

<http://doi.org/10.5281/zenodo.4911398>

УДК 80 (075.8)

Шилова Е.В.

Шилова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1. E-mail: alyona_lav@mail.ru.

Сюжетно-композиционная роль оценочного прилагательного *странный* в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Аннотация. Статья посвящена выявлению сюжетно-композиционной роли прилагательного *странный* в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» через анализ особенностей функционирования данной лексемы в оценочных суждениях, представленных в произведении, что позволяет смоделировать картину мира автора и систему его ценностей. Делается вывод о том, что оценочные суждения с прилагательным *странный* и его синтаксическими дериватами играют важную сюжетно-образующую роль в романе и помогают раскрыть авторский замысел.

Ключевые слова: оценочное прилагательное, оценочное суждение, субъект оценочного суждения, ключевые слова, сюжетно-композиционная роль, картина мира автора, художественный текст.

Shilova E.V.

Shilova Elena Vladimirovna, candidate of philological sciences, Lomonosov Moscow State University, Russia, 119991, Moscow, Leninskiye gory, 1. E-mail: alyona_lav@mail.ru.

The plot and compositional role of the evaluative adjective *strange* in the novel "Crime and Punishment" by F. Dostoevsky

Abstract. The article is devoted to the identification of the plot-compositional role of the adjective *strange* in the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky through the analysis of the features of the functioning of this lexeme in the value judgments presented in the work, which allows us to model the author's picture of the world and the system of his values. It is concluded that value judgments with the adjective *strange* and its syntactic derivatives play an important plot-forming role in the novel and help to reveal the author's intention.

Key words: evaluative adjective, evaluative judgement, subject of evaluative judgement, key words, plot and compositional role, author's world picture, literary text.

В отличие от текстов нехудожественных, художественный текст характеризуется не только цельностью и связностью, но и автореферентностью, поскольку его референт «находится внутри текста, а не вне его» [13, с. 442]. Данная мысль Л.О. Чернейко напрямую

соотносится с мнением У. Эко о том, что произведение искусства представляет собой «принципиально неоднозначное сообщение, множественность означаемых, которые сосуществуют в одном означающем» [15, с. 5]. Именно читатели и слушатели реконструируют смыслы, которые

автор выразил или хотел выразить в созданном им тексте. Конечно, речь не идет о точной реконструкции первичного авторского замысла. Но нельзя согласиться и с мыслью А. Жолковского и Ю. Щеглова о том, что читатель волен вчитывать в текст «любые смысловые оттенки в соответствии со своими вкусами» [6, с. 6]. Выявление семантических потенциалов художественного текста не может быть хаотичным процессом, оно должно опираться на анализ конкретных текстовых элементов, например, часто повторяющихся в тексте слов, значимых как в плане текстопорождения, так и в плане смысловосприятия и получивших в лингвистике название «ключевые слова».

Исследование семантики ключевых слов и их сочетаемости с другими единицами в рамках текста позволяет смоделировать картину мира автора и систему его ценностей. С точки зрения Б.Л. Гаспарова, частое повторение ключевых для автора слов и их синонимов указывает на лейтмотивный принцип построения текста: «Имеется в виду такой принцип, при котором некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» [4, с. 62]. Отсюда следует, что ключевые слова играют особую сюжетно-композиционную роль в построении текста и дают представление о личности автора и его художественном пространстве. Аналогичной точки зрения придерживается Ю.Н. Караулов, который считает исследование семантики и сочетаемости ключевых, значимых для автора слов одним из методов моделирования авторского мира, не явленного непосредственно в произведении, а скрытого от читателя [7, с. 13].

Несомненно, частое повторение в тексте оценочных прилагательных является знаковым, поскольку указывает на особое отношение автора к персонажам, населяющим его художественный мир. Рассмотрим это на примере прилагательного

странный, которое, согласно данным «Статистического словаря языка Ф.М. Достоевского» А.Я. Шайкевича [14], входит в число 40 самых частотных полных прилагательных в художественных текстах автора и занимает в данном списке лидирующую позицию. Учитывая частоту употребления исследуемого прилагательного и его синонимов в произведениях Достоевского, можно сделать вывод о значимости смысла, выраженного данной лексемой, для автора. Оценочное прилагательное *странный* включено также в «Словарь языка Ф.М. Достоевского» под ред. Ю.Н. Караулова [11], т.к. является, в терминологии И.В. Ружицкого, как идиоглоссой – лексемой, характеризующей авторский стиль, так и идеоглоссой – ключевым словом, раскрывающим мировоззрение автора, его картину мира [10].

Составляя лексикографический «портрет» слова *странный*, следует отметить его отрицательные коннотации, не отмеченные в словарных дефинициях лексемы (см., например, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова [9]: СТРАННЫЙ – необычный, непонятный, вызывающий недоумение. *Странный вид. Странный характер*). Отрицательные коннотации прилагательного *странный* уходят корнями в глубь веков, что отражено в этимологии слова: в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [16] *странный* возводится к имени существительному *страна* (др.-рус. *сторона*). Согласно «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского [12], одним из значений старославянизма *страна* было ‘чужая страна, иноверный народ’. Сопоставив данные этимологических словарей со словарной дефиницией прилагательного *странный* в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [5], можно однозначно говорить об отрицательных коннотациях рассматриваемой лексемы. Так, Даль толкует слово *странный* через прилагательные *нездеиный, чуждой, чуждый, посторонний, иноземный* и др., а также приводит следующие примеры употребления

данной лексемы: *Они странные, здесь незнамы, незахожи. Мы странных в дом пускать боимся.* Если учесть тот факт, что в словарях синонимов современного русского языка (см., например, «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой [1]) в качестве слов, близких по значению прилагательному *странный*, рассматриваются лексемы *непонятный*, *чуждой*, *своеобразный* и др., можно выстроить следующую семантическую цепочку: ‘необычный/непонятный’ → ‘не такой, как я/все’ → ‘чуждый’ → ‘неприемлемый’.

Странность мира, в который Достоевский помещает своих персонажей, не раз отмечалась как литературоведами, так и другими писателями. Так, с точки зрения М.М. Бахтина, он «почти всегда берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение» [3, с. 85]. Иначе объясняет странность мира Достоевского В.В. Набоков. По его мнению, писатель «сгустил отдельные проявления человечности и построил на них очень искусственную и совершенно патологическую концепцию», совершенно не вписывающуюся в стандарты мироустройства обычного человека [8]. А исследователь творчества Достоевского Е.Я. Басин отмечает, что мир писателя вовсе не странен: Достоевский – предтеча нового искусства, странным кажется лишь ощущение от соприкосновения с его творчеством [2, с. 249]. Однако если учесть тот факт, что единственная реальность, с которой работает лингвист, – слова и их поведение в контексте, то невозможно отрицать особую сюжетно-композиционную роль прилагательного *странный* в текстах Достоевского.

Принимая во внимание упомянутый ранее принцип лейтмотивного построения повествования, рассмотрим, какова организующая роль прилагательного *странный* в формировании сюжета романа «Преступление и наказание» и раскрытия авторского замысла, для этого проанализируем, кто из персонажей романа является

субъектом оценочных суждений с исследуемым словом. Надо отметить, что данное прилагательное может быть вложено и в уста повествователя – незримого наблюдателя, который может освещать действительность, представленную в романе, как отстраненно, так и с точки зрения кого-либо из персонажей.

Нередко прилагательное *странный* и его синтаксические дериваты звучат во внутренних монологах Раскольников, в его разговорах с самим собой: *А куда ж я иду? – подумал он вдруг. – Странно. Ведь я зачем-то пошел; Офицер опять захохотал, а Раскольников вздрогнул. Как это было странно; А теперь: голые стены, никакой мебели; странно как-то!* Находясь после убийства старухи-процентщицы в состоянии, близком к помешательству, Раскольников во всем видит дурные предзнаменования, любое совпадение кажется ему странным, берedit и тревожит его и без того измученное сознание. Герою не удается до конца разобраться в своем состоянии, он лишь осознает его тяжесть и неестественность: *Он смотрел на Соню и чувствовал, как много на нем было ее любви, и странно, ему вдруг стало больно и тяжело, что его так любят. Да, это было странное и ужасное ощущение!* Показательно, что окружающие люди почти не кажутся Раскольникову странными, возможно, потому, что он сконцентрирован исключительно на себе, одинок, изолирован в своем странном внутреннем мире. Как нечто странное он расценивает лишь поступки Сонечки Мармеладовой и все, что ее окружает: - *Странная какая ты, Соня, - обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал про это. Себя ты не помнишь; «Лизавета! Странно!» - подумал он. Все у Соны становилось для него как-то страннее и чудеснее с каждой минутой; Странно звучали для него эти книжные слова, и опять новость: какие-то таинственные сходки с Лизаветой, и обе – юродивые.* Вначале Раскольников пытается списать все на ее душевное расстройство, но постепенно понимает, что Соня, как и он, отличается от других людей, живет в своем

особом мире, поэтому и кажется ему странной. Еще один персонаж, охарактеризованный Раскольниковым как странный, – Свидригайлов: *Свидригайлов как-то странно посмотрел на него; ... проговорил он, скривя рот в какую-то странную улыбку...; Он очень странный и на что-то решился...; Вообще он мне очень странным показался и ... даже с признаками как будто помешательства...* Мерзость, пошлость и неестественность, таящиеся в Свидригайлове, будто бы выдергивают Раскольникова из замкнутого мира, заставляют выделить его собеседника из толпы. Неприятие Раскольниковым Свидригайлова, настороженное отношение к нему подчеркивается употреблением прилагательного *странный*, в настойчивом повторении которого сквозит тревога и предчувствие чего-то нехорошего.

Также прилагательное *странный* и его синтаксические дериваты вкладываются в уста повествователя, который чаще всего смотрит на мир глазами Раскольникова, позволяя читателю увидеть главного героя как со стороны, так и изнутри. Повествователь будто бы незримо следует за Раскольниковым повсюду, играя роль его второго «я»: *На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой; «Не рассудок, так бес!» - подумал он, странно усмехаясь; Он стоял как бы в задумчивости, и странная, приниженная, полубесмысленная улыбка бродила на губах его.* Именно оценка повествователя позволяет читателю подметить малейшие изменения во внешности героя и одновременно проникнуть в глубины его мыслей. Причем, глядя на мир глазами Раскольникова, повествователь дает оценку *странный* абсолютно всему вокруг. Перед нами предстает странная, искаженная больным сознанием действительность. Примечательно, что Раскольников отдает себе отчет в том, что болен, поэтому не доверяет своим же мыслям и идеям, называя их в диалоге с самим собой странными: *Он думал и тер себе*

лоб, и, странное дело, как-то невзначай вдруг и почти сама собой после очень долгого раздумья, пришла ему в голову одна престранная мысль; Тут пришла ему в голову странная мысль: что, может быть, и все его платье в крови, что может быть много пятен, но что он их только не видит, не замечает, потому что соображение его ослабло, раздроблено... ум помрачен...; Странное дело: казалось, он вдруг стал совершенно спокоен; не было ни полумного бреда, как давеча, ни панического страха, как во все последнее время. Таким образом, Раскольников, сам себе кажущийся странным, в полубредовом состоянии бродя по улицам Петербурга, будто путешествует по странному миру – непонятному, чуждому ему, обретающему самые необъяснимые и искаженные формы. Это дает понять, насколько глубок разлад героя с самим собой и окружающей его действительностью.

Рассмотрим также контексты с оценочным прилагательным *странный*, в которых выражается точка зрения других персонажей романа или повествователя, смотрящего на мир их глазами. Чаще всего странным в произведении назван именно Раскольников, причем подобная оценка может исходить из уст как близких ему по духу, так и малознакомых и даже совершенно посторонних людей:

Соня: *Раскольников странно посмотрел на нее; Соня нерешительно ступила к столу, недоверчиво выслушав странное желание Раскольникова (реакция на просьбу Раскольникова читать вместе Евангелие); ... ответил он странно смотря на нее...; И странно он так говорил: как будто и понятно что-то, но... «но как же! Как же! «О Господи!»*

Свидригайлов: *Не рассердитесь, Родион Романович, но вы мне сами почему-то кажетесь ужасно как странным. Как хотите, а что-то в вас есть...*

Заметов: *- Как! Вы здесь? – начал он с недоумением и таким тоном, как бы век был знаком, - а мне вчера еще говорил Разумихин, что вы все не в памяти. Вот*

странно! Чтой-то какой вы странный... Верно, еще очень больны. - А я вам странным кажусь? - Да. - Фу, какой странный! - повторил Заметов очень серьезно. - Мне сдается, что вы все еще бредите. - Брежу? Врешь, воробушек!.. Так я странен? (диалог с Раскольниковым); Страннее всего показалось потом Заметову, что ровно целую минуту длилось у них молчание и ровно целую минуту они так друг на друга глядели.

Городовой: *Странен, верно, и он ему показался: в таких лохмотьях, а сам деньги выдает!* (точка зрения на Раскольникова).

Станным кажется внешний вид Раскольникова и не соотносящиеся с ним поступки, а также его манера речи. Второстепенные персонажи романа не в силах понять Родиона Романовича и дать однозначную оценку его действиям, поэтому и расценивают его облик как странный, с долей тревоги ощущая непохожесть Раскольникова на других, его чуждость окружающей действительности. Стоит обратить особое внимание на диалог Раскольникова и Заметова, в котором последний сопровождает оценочное суждение с прилагательным *странный* междометием *фу*, выражающим в русском языке недовольство и даже отвращение. Это еще раз подтверждает наличие у прилагательного *странный* отрицательных коннотаций ('необычный/непонятный' → 'чуждый' → 'неприемлемый'), а также очень точно передает отношение Заметова к Раскольникову: герой презирает Родиона Романовича, однако не может до конца понять мотивы его поступков, а потому наделяет его достаточно корректной оценкой. Надо за-

метить, что Раскольников живо интересуется мнением Заметова, поскольку оценка *странный*, услышанная им со стороны, от неблизкого ему человека, полностью совпадает с его мыслями, ощущением собственной странности и чуждости окружающему миру. Итак, Раскольников странен всем – и «положительной» Сонечке, и «отрицательному» Свидригайлову. Однако Соня, чувствуя странность Раскольникова, не отталкивает его. Ей важно понять, что привело Родиона Романовича к ней, поскольку она и сама себя, грешницу, отверженную, мыслит отстраненно от окружающей действительности.

Таким образом, оценочные суждения с прилагательным *странный* и его синтаксическими дериватами играют важную сюжетобразующую роль в романе и помогают раскрыть авторский замысел. Мир, созданный Достоевским, представляется читателю непонятным и тревожным, в нем все чужды друг другу, а Раскольников, который своим преступлением будто вывел себя за границы этого мира, ощущает свою странность и чуждость еще острее. Прилагательное *странный* позволяет нам проникнуть в искаженное болезнью сознание Родиона Романовича, а также увидеть его со стороны – через оценочные суждения окружающих его лиц. Именно это позволяет читателю осознать всю степень инаковости главного героя. Подводя итог, можно сказать, что в романе «Преступление и наказание» представлено своего рода двоемирие: странный мир Раскольникова противопоставлен миру обычных людей, как хороших, так и плохих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
2. Басин Е.Я. «Странный» Достоевский. М.: Слово, 2013. 280 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва – Augsburg: Werden-Verlag, 2002.
4. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994. 304 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.

6. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К описанию смысла связного текста. Приемы выразительности. М.: ИЯ АН СССР, 1971. 55 с.
7. Караулов Ю.Н. «Образ автора» или «образ мира»? // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Под ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014. С. 12 – 19.
8. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Режим доступа к источнику URL: <http://fanread.ru/book/3805242/?page=1> (дата обращения: 23.01.2015)
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
10. Ружицкий И.В. О словаре языка Достоевского. Семинар в ИДК. 2011. Режим доступа к источнику URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/619/> (дата обращения: 13.04.2021)
11. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Выпуск 3. Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2003.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903.
13. Чернейко Л.О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции. М., 1999. С.439 – 460.
14. Шайкевич А.Я. Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. М., 2003.
15. Эко У. Открытое произведение. М.: Академический проект, 2004. 122 с.
16. Этимологический словарь М. Фасмера. М., 1986.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka. M., 1968.
2. Basin E.Ja. «Strannyj» Dostoevskij. M.: Slovo, 2013. 280 s.
3. Bahtin M.M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. Moskva – Augsburg: Werden-Verlag, 2002.
4. Gasparov B.M. Literaturnye lejtmotivy. Oчерki russkoj literatury XX veka. M.: Nauka, 1994. 304 s.
5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M., 1978.
6. Zholkovskij A.K., Shheglov Ju.K. K opisaniju smysla svjaznogo teksta. Priemy vyrazitel'nosti. M.: IJa AN SSSR, 1971. 55 s.
7. Karaulov Ju.N. «Obraz avtora» ili «obraz mira»? // Slovo Dostoevskogo 2014. Idiostil' i kartina mira. Pod red. E.A. Osokinoj. M.: LEKSRUS, 2014. S. 12 – 19.
8. Nabokov V.V. Lekcii po russkoj literature. Rezhim dostupa k istochniku URL: <http://fanread.ru/book/3805242/?page=1> (data obrashhenija: 23.01.2015)
9. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1990.
10. Ruzhickij I.V. O slovare jazyka Dostoevskogo. Seminar v IDK. 2011. Rezhim dostupa k istochniku URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/619/> (data obrashhenija: 13.04.2021)
11. Slovar' jazyka Dostoevskogo. Leksicheskij stroj idiolekta. Vypusk 3. Pod red. Ju.N. Karaulova. M., 2003.
12. Sreznevskij I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka. SPb., 1903.
13. Chernejko L.O. Gipertekst kak lingvisticheskaja model' hudozhestvennogo teksta // Struk-tura i se-mantika hudozhestvennogo teksta. Doklady VII Mezhdunarodnoj konferencii. M., 1999. S.439 – 460.
14. Shajkevich A.Ja. Statisticheskij slovar' jazyka F.M. Dostoevskogo. M., 2003.
15. Jeko U. Otkrytoe proizvedenie. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 122 s.
16. Jetimologicheskij slovar' M. Fasmera. M., 1986.

Поступила в редакцию 23.04.2021.
Принята к публикации 26.04.2021.

Для цитирования:

Шилова Е.В. Сюжетно-композиционная роль оценочного прилагательного *странный* в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Гуманитарный научный вестник. 2021. №5. С. 143-148. URL: <http://naukavestnik.ru/doc /2021/05/Shilova.pdf>